

Бойтесь себя, других и без вас найдется кому бояться.

Доброе пожелание

А там, куда нас путь ведет,
Тяжелый, горький, страшный,
Таится добрый кукловод
В высокой горней башне.

Уленд Илазирский

Глава первая

КТО СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ ТВОЮ

Таня читала японского классика.

В чтении, надо сказать, вкусы у нее были простецкие — из книжек она предпочитала фэнтези, с неизменным романтическим героем в центре. И с обязательной победой добра под конец.

Но на филфаке, где Таня числилась студенткой, литература такого рода была не в почете. Продвинутые личности из ее пединститута предпочитали Коэльо и Мураками. И начитавшись оных, нещадно обсуждали их повсюду — в институтском буфете, на переменах, даже на остановках у института...

Именно из-за них она и грызла сейчас гранит японской классики вместо того, чтобы почитать что-нибудь романтическое. А то и вовсе пойти погулять. Очень уж хотелось в случае чего не отмалчиваться в уголке, а взять и сказать свое веское слово о восточной духовности. Причем красиво так сказать, эпично, со знанием дела и текста.

День между тем был субботний, теплый и солнечный по майскому времени. В распахнутые окна квартиры, где проживала Таня, вольно задувал ветер. Городские птицы, что купались в воздухе, суматошно кричали у самого балкона. Природа, как сказал бы любой русский классик, ликовала. А вот она валялась на диване вниз животом и читала. Причем текст, по ее мнению, был скучнейший.

Дома Таня была одна, мать с дедом уехали в Колумну навес-

тить дальних родственников. И вернуться должны были лишь поздно вечером.

Она уже осилила новеллу о воротах Расёмон, когда раздался звонок. Книжка тут же полетела на пол, а Таня радостным шагом промаршировала в прихожую. Где рывком распахнула дверь, даже не озаботившись посмотреть в глазок.

За дверью стояла дама лет сорока, полная, осанистая. Внушительный бюст, подпертый животиком, вздымался ввысь. Сверху был наверхнен широкий шарф на индийский манер, из синего шелка в белый цветочек. Из-под него струилась до пола складчатая юбка из того же материала.

Глаза у женщины были темно-голубые, с легкими морщинками в уголках, округлое широкое лицо выглядело ухоженным. Светлые кудряшки стояли над головой, образуя нимб.

— Я ваша новая соседка, — произнесла дама с легким протяжным акцентом, растягивая губы в улыбке. Смотрела она при этом внимательно, изучающе. — Вот, сняла квартиру рядом с вами по соседству.

И дама указала рукой в сторону двери справа.

— Квартиру Натальи Львовны сняли? — с интересом спросила Таня. — А она что, уже ее сдала?

Наталья Львовна, соседка Дебриных, за последнюю неделю стала притчей во языцех для всего дома.

Возвращаясь из расположенной по соседству школы, где трудилась от рассвета до обеда, преподавая математику, Наталья Львовна столкнулась с капотом роскошного «мерседеса». И была сбита этим капотом наземь. От школы до ее дома надо было пройти метров пятьсот, не больше. Состоял этот путь из внутренних подъездных дорог, везде, на всем протяжении окруженных тротуарами. Уж как там пересеклись пути «мерседеса» и Натальи Львовны, осталось неизвестным. Известным было лишь то, что после столкновения из машины вышел красавец-мужчина — брюнет, метр восемьдесят — и кинулся поднимать соседку с асфальта. Наталья Львовна не то чтобы ушиблась, но сочла разумным изобразить страдания, травматические боли и легкие потери сознания время от времени. Она, старая дева с неприглядным сероватым личиком, думала выудить из брюнета и красавца хоть какое-то возмещение за легкий толчок бампером, полученный от «мерседеса».

Но финал у истории вышел совсем иной. Брюнет и красавец влюбился в страшноватенькую математичку тридцати восьми лет от роду. Прямо там, на тротуаре, перед капотом «мерседеса»,

он признался ей в любви. В любви с первого взгляда, роковой и безумной. Воистину неисповедимы пути стрел Амуровых...

Наталья Львовна в тот же день переехала в особняк красавца и брюнета, который оказался еще и банкиром. И уже на следующий день сделал предложение руки, сердца и банковского счета.

Случился этот любовный нонсенс ровно неделю назад, а нынче Наталья Львовна уже и квартиру сдала. Видно, очень уж ей хотелось порвать все связи с позорящим ее бедным прошлым. Да и соседкам-сплетницам показать, что назад не собирается.

Дама пожалала плечами. Сказала немного ехидным тоном:

— Скоро ваша соседка станет супругой господина Жарского, который от недостатка жилья не страдает. И дворец на Рублевке у него стоит, и домик на Лазурном Берегу имеется. Будет где молодой хозяйке голову преклонить, будет что хозяйским взором обвести. А эта квартира Наталье Львовне больше не нужна, вот она ее и сдает.

— Понятно, — пробормотала Таня. — Как-то быстро все получилось...

Дама прищурилась:

— Вы правы. Все получилось очень быстро, дитя мое.

От этого «дитя мое» повеяло старомодной изысканностью. Таня про себя решила, что у дамы наверняка какие-нибудь аристократы-дворяне в родне завалялись, вот она и выражается как по писаному.

— А я к вам с просьбой, — продолжала женщина. — Знаете, мне нужно стол на кухне передвинуть. Но поясница что-то разболелась. Вы мне не поможете? Я вам хорошо заплачу.

Таня эту старушенцию — а к старушенциям она причисляла всех женщин старше сорока — тут же по-человечески пожалела. Ну не заставлять же такое дряхлое создание таскать тяжелые столы.

— Да ладно вам! — по-благородному воспротивилась она, сдергивая ключи с гвоздика и запихивая ноги в новые тапочки, что стояли наособицу. Их ее мамка держала исключительно для светских выходов в подъезд. Вот Таня и напялила роскошные шлепанцы леопардовой расцветки, чтобы не позориться перед новой соседкой в своих старых, затертых до дыр топтунах. — Ничего платить не надо. Я вам и так помогу.

Она вышла, захлопнула дверь и направилась к соседней квартире. Дама сообщила из-за Таниной спины, чуть поотстав:

— Да, забыла вам представиться. Меня зовут Арлена.

Имечко у дамы было странное. Но в старые советские време-

на, как Таня слышала, детям давали имена и постранные. Типа Трактора, Днепрогэса и Революции. Имя Арлена на этом фоне было еще ничего. Возможно, оно представляло собой аббревиатуру — что-то вроде сборки из слов Апрель, Революция, Ленин...

— А меня Таней зовут! — отозвалась она.

И ввалилась в тесную прихожую, благо дверь квартиры справа была гостеприимно распахнута.

— Таня означает Татьяна, не так ли? — строго спросила дама. — Хорошее, звучное имя. Не стоит превращать его в Таню, это отдаст просторечием. Должна признаться, что Наталья Львовна мне о вас рассказывала. Она называла вас славной девочкой. Вы и вправду очень славная.

— Очень приятно, — в полной растерянности брякнула Таня.

Она не знала, как отвечать на такие старомодные комплименты. Славная девочка, надо же...

Квартира Натальи Львовны несколько не изменилась после отъезда своей владелицы. Все мебель по-прежнему были на местах, и даже кружевные салфеточки привычно лежали на комод в прихожей.

Кухонный стол, который новоиспеченная жилищка Арлена решила передвинуть, стоял у боковой стенки на кухне. Тащить его следовало к окну.

— Я сама, — солидно заявила Таня, отодвигая Арлену, которая вцепилась было в край стола. — У вас же поясница болит. И потом, здесь тащить всего ничего — метр с сантиметром, не больше. Кухонька-то крохотная.

Дама Арлена ничуть не воспротивилась, тут же отошла в сторону и принялась наблюдать за процессом перестановки на расстоянии. Стол был не тяжелый — ясное дело, китайский спецзаказ, фанера и ДВП, дерева там ни в одном углу не было. Таня утянула его одним движением к окну и принялась поправлять клеенку, которую от рывка перекосило. В этот момент соседка Арлена громко сказала:

— Вот гляжу я на вас, Татьяна, и прямо жуть берет — до чего же вы похожи на своего деда, на князя Вала Тарланя.

— Это... это вы ошиблись, — ответила Таня с секундной заминкой. — Моего деда Михаилом Семенычем зовут. Князей у нас в роду не име...

Дама Арлена ее перебила с неожиданно жесткими нотками в голосе:

— Михаил Семеныч ваш дед по матушке, Татьяна. А вот вашим дедом по батюшке является князь Вал Тарлань. Отец кня-

жича Вера Тарланя, вашего родного отца. Это достаточно почетное родство, уверяю вас. У вас нет причин его стыдиться.

У Тани после этих слов появилось стойкое подозрение, что дамочка сошла с ума. Кто этих сумасшедших знает, может, некоторым из них Наполеоны чудятся, а другим князья и их внучки мерещатся? Каждый имеет право на свой бзик, в конце концов. Она пожала плечами и сказала:

— Вы меня с кем-то путаете. Отца моего зовут Алексей Иванович Алешин. Мне мама о нем рассказывала...

— Его звали иначе, — опять перебила Таню дама Арлена. — Вашим отцом был княжич Вер Тарлань.

Таня стояла и исподлобья рассматривала Арлену. Мать ее замуж никогда не выходила, отца своего Таня никогда не видела. И в свидетельстве о рождении у нее стоял долгий такой про черк в графе «отец», так что о нем она знала только со слов матери.

Имя неизвестного родителя также назвала мама. Если подойти критически — а девятнадцать Таниных лет были вполне подходящим возрастом для критического подхода, — гражданин Алешин мог и не быть ее папенькой. А то и вовсе не быть, то есть не существовать в реальности — это если уж подойти совсем критически...

Но «княжич Вер Тарлань» звучало как имечко из низкопробного фэнтези. И вызывало в Тани законное недоверие и протест. Дамочка, похоже, скорбна головой, как это обтекаемо именовали в старину.

— Глупости! — решительно подытожила Таня.

И рванулась к выходу.

Дама по имени Арлена перехватила ее перед самой дверью кухни. Оттолкнула и встала в дверном проеме, ухватившись руками за косяки.

Да она сумасшедшая, подумала Таня. И как мне отсюда выбраться? А если эта Арлена на всю голову шизанутая и с маниакальными наклонностями? Жить-то как хочется, спасу нет...

И что самое неприятное, находимся мы сейчас на кухне, мелькнула в голове у нее насмешливая мысль. Ножички, штопоры и прочий маниакальный инвентарь — все рядом, только руку протяни.

— Прежде чем вы уйдете через эту дверь... — торжественно начала Арлена.

Сумасшедшая квартирантка все-таки намерена ее отпустить? Вот оно, счастье!

— Вам придется выслушать то, что я имею вам сказать, — закончила Арлена, и в речи ее вдруг прорезался странный акцент.

Таня кивнула головой. Если все, чего желает новая сумасшедшая соседка, это выговориться, то будем слушать. И в ладоши похлопаем, если что.

В уме она поставила себе маленькую пометку: не отвлекать больше странную тетку репликами. Чем скорее та выговорится, тем быстрее отпустит.

— История вкратце такова, — сказала Арлена. — Существует мир под названием Анадея. В нем есть страна Эррона. Князя Тарлани были ее властителями на протяжении тысячи с лишним лет, пока Совет магов самым подлым образом не заполучил власть над Источником Силы. Затем Совет предпринял попытку убить вашего деда, Вала Тарланя, вместе со всей семьей. Но светлейший и часть Тарланьского дома сумели спастись, став изгнанниками на чужбине. Все это случилось давно, по вашему летоисчислению — целых тридцать два года назад. По нашему же календарю прошло двадцать шесть лет. Вам все понятно до этого момента, уважаемая Татьяна?

— Все, — послушно ответила Таня.

— У Вала Тарланя был сын, Вер Тарлань, — продолжала Арлена. — У него были и другие дети, и Вер Тарлань, его третий сын, был бы ничем не примечателен, если бы не одно «но». Вер Тарлань очень любил посещать ваш мир. Местные дикарки никогда не умели защищать себя от магического воздействия, даже от самого простого, которое вы называете «приворотом». Вер Тарлань на Земле развлекался. На родине такое было бы невозможно, там девицы живут под защитой заклинаний. А в вашем мире Вер Тарлань был волен делать что угодно — и, увы, наделал кучу детей. Вернее, кучу дочерей.

Таня воззрилась на Арлену с интересом. Даже если эта женщина была сумасшедшая, бред ее, надо признать, был забавным.

— Одной из этих дочерей являетесь вы, княжна Татьяна, — сообщила Арлена. — Кстати, я не исключаю, что ваша матушка и впрямь считает, что вашего отца звали Алексей Иванович Алешин. Должна заметить, что Вер Тарлань, подкатываясь к местным девицам, всегда называл им вымышленное имя. Соответствующее реалиям той страны, где проживал предмет страсти. В России он был Алеша, в Америке — Алекс...

Бред у тетки был настолько занятный, что страх у Тани прошел. И она дерзко поинтересовалась:

— А мой дед, который князь, может, еще и меч особый имел? С цветной подсветкой, к примеру. Или со способностью по железу резать, как по маслу?

Раз уж у них там есть Совет магов, то мечу-кладенцу сам бог велел быть.

— Нахальное молодое поколение взрастила эта страна, — надменно произнесла тетка. — Но ничего. Когда вы покинете этот мир, Татьяна, я приложу все силы, чтобы научить вас вести себя прилично. Достойно вашего происхождения.

— О, так я еще и этот мир покину? — удивилась Таня.

Ей опять стало страшненько. Уж не смертью ли ей тут грозят...

Арлена одарила ее строгим взглядом, скучно сказала:

— А теперь я перехожу к сути. У нас в Анадее с давних пор существует одно пророчество. Собственно говоря, до недавнего времени никто не придавал ему особого значения. Написал его Алидориус Верейский, у которого сбылись далеко не все предсказания. Но зато те, которые сбылись, обессмертили его имя. Чего стоит только катрен о граде Иргене, что порастет ростками и зацветет цветами. Почти четыреста лет все считали это пророчеством о благополучии и многих летах града. Но вот сто шестнадцать лет назад кесарь Халкидии решил присоединить Ирген к своим владениям. Жители Иргена немножко воспротивились. Кесаря обуяло бешенство — у него в роду вообще было много сумасшедших. Браки с родными сестрами подействовали, не иначе. И он сначала захватил Ирген, а потом приказал сжечь весь город, руины его расчистить, а получившееся поле распахать и засеять. Когда на месте Иргена заколосилась пшеница, в которой еще и васильки расцвели, только тогда все уразумели, что означали строки «Ирген Великий, потому как честь берег, ростками порастет и цветом зацветет». Наверное, лучше будет, если я зачитаю катрен, который относится лично к вам...

И подняв глаза к потолку, как человек, который вспоминает что-то хорошо забуренное, Арлена продекламировала:

Настанет день, которого сейчас никто не ждет.
Великий княжий дом падет.
Проклятье древних королей
С окраин путь начнет.
Белеет лист, чернеет цвет,
Зима не к нам придет,
Но что не смог найти никто,
Четырнадцатая дочь найдет.

— Чудненько! — громко высказалась Таня, разом позабыв свое разумное намерение молчать, чтобы сумасшедшая Арлена могла выговориться в полном спокойствии. — А меня это каким боком касается?

Арлена раздвинула губы в улыбке и попыталась изобразить что-то вроде реверанса. Но поскольку она при этом продолжала держаться руками за косяки, реверанс вылился в легкий присед на одной ноге.

— Вы и есть та самая четырнадцатая дочь. Ваш почтенный отец, светлейший княжич Вер Тарлань, обзавелся здесь, на Земле, пятнадцатью дочерьми. Вы по счету четырнадцатая.

— Бред какой-то! — воскликнула Таня. — Вас послушать, так у меня не отец был, а какой-то бык-производитель.

— Он был светлейший княжич, — многозначительно произнесла Арлена. — И ему были свойственны порывы и желания, простительные юноше... особенно когда этот юноша столь высокого происхождения. Если бы Совет магов не изгнал его семью из Эрроны, Вер Тарлань жил бы в Алом замке. С официальной любовницей, одобренной придворным магом-лекарем, под охраной заклятия от нежелательной беременности. И от его излишней живости не осталось бы неприятных последствий в виде оравы незаконнорожденных дочерей...

Вот при этих словах Таня разозлилась. Не то чтобы она поверила в сказку о папаше княжеских кровей, но ей стало обидно. За то, что ее назвали неприятным последствием и незаконнорожденной.

— А самому вашему светлейшему княжичу в голову не приходило, что не стоит плодить детей направо и налево? — холодно сказала она. И высокомерно вздернула вверх подбородок.

— Вы правы, — поспешно согласилась Арлена. Но сказала это как-то слишком быстро и равнодушно. — Княжича извиняет только тот факт, что во всем виноват Совет магов.

Таня оглушительно фыркнула. Хорошо, когда во всем виноват Совет магов.

— Поговорим лучше о пророчестве, — почти умоляюще сказала Арлена. — О странном катрене Алидориуса Верейского мы вспомнили тогда, когда княжич Вер Тарлань обзавелся тринадцатым по счету потомком на вашей Земле. И все тринадцать, что примечательно, оказались девочками. До этого катрен о четырнадцатой дочери никак не толковался. Понимаете, пророчества вещь сложная. Иногда те, кто пророчествует, видят будущее как аллегорию и пытаются передать увиденное метафорой. Видят

аллегорически, описывают метафорически... В итоге невозможно понять, что же именно там предсказано. Но после вашего рождения немногие посвященные припомнили катрен Алидориуса Верейского. На удивление ясный и не требующий особого толкования. Княжий дом пал, а княжич этого дома породил четырнадцатую дочь. Оставалось ждать лишь «проклятья древних королей». Которое с окраин путь начнет и так далее.

— Это все, что вы мне хотели сказать? — сурово спросила Таня.

— О нет, это далеко не все, — быстро ответила Арлена. — Кстати, из всех дочерей вашего отца вы единственная, кто знает правду о своем происхождении. Остальные так никогда и не узнают, кем был их отец.

— Ну прямо слезы наворачиваются, — ехидно заметила Таня. — Сколько же они потеряли...

Тут до нее дошло кое-что.

— А почему — был?

— Княжич Вер Тарлань семнадцать лет назад погиб. Уже в нашем мире, в Анадее, — сухо сказала Арлена. — Княжич был убит холодным оружием, это все, что мы смогли узнать. Но я вернулась сюда не для того, чтобы сообщить, кем был ваш отец и кем является ваш светлейший дедушка. Я пришла за вами. Татьяна, ваше время пришло. Вы нужны миру ваших предков. Мы должны отправиться туда немедленно.

— Сейчас, бегу и падаю! — строптиво заявила Таня. И про себя подумала, что сумасшествие новой соседки, должно быть, заразное. И на нее, Таню, перекинулось. Вот с чего бы ей воспринимать это предложение Арлены всерьез? И всерьез спрашивать, что там приключилось с ее якобы отцом. Ведь ясно же, что мира с князьими предками, о котором вещала больная на всю голову соседка, не существует. Не может существовать. Это все лишь плод фантазии сильно скорбного ума. Нет бы согласиться, глядишь, сумасшедшая и успокоится...

— Но вы должны! — Дамочка глядела на нее умоляюще, страдальчески покусывая губы.

Лучше бы эта особа страдальчески заламывала руки, мелькнула у Тани мысль. Тогда она смогла бы проскочить в щель между ней и косяком. И убраться из этой квартиры. Но нет, тетка по имени Арлена, хоть и страдала лицом, но руками по-прежнему цепко держалась за косяк.

— На прошлой неделе в фамильном склепе вашей семьи треснула гранитная плита на могиле самого Дара Тарланя, вашего ве-

ликого предка! — торжественно провозгласила Арлена. — Треснула ни с того ни с сего. Так нам сообщили наши лазутчики из Кир-Авера, из столицы княжества. Это страшный знак! Странные случаи начали происходить на окраинах Эрроны; целые деревни превратились в кладбища, выживших нет. Дружинники Совета магов, посланные туда, нашли лишь изувеченные тела. Никто не знает, что случилось. Ходят слухи, что вернулась голубая чума, несущая безумие.

— Эпидемиологов пригласите, — посоветовала Таня с ехидством. Тут в голову ей пришла мысль: — Вот давайте прямо сейчас позвоним по одному телефончику, и сразу же приедут врачи и вам помогут.

И вам помогут, и мне, подумала Таня. Тем, что натянут на вас смирительную рубашку...

Но Арлена, увы, на предложение позвонить не повелась.

— Я вас прошу, — простонала она голосом несчастным до жути. Лицо ее исказилось. — В Элиморе призраки выходят из могил и маршируют вдоль дорог. В Аретце жители вдруг уверовали, что в их бедах виноваты кошки. Они учредили Лигу борцов с котами-вредителями и сожгли всех кошек в городе. А теперь эта Лига, по слухам, принялась за людей... Кто-то наложил на весь город заклятие безумия, не иначе, потому как это массовое помешательство.

На мгновенье Тане даже жалко стало и Арлену, и весь выдуманный ею мир, в котором творятся такие ужасы.

Вот бедолага, подумала она. И небылицы придумывает, и сердцем за них болеет. Ох и плачет по тетеньке больница имени Кащенко...

Арлена с жаром и напором продолжала:

— Я вас умоляю! Согласитесь по доброй воле уйти в мир ваших предков. Ибо на вас вся наша надежда, Татьяна. Существует нечто, что может помочь нашей Эрроне и всему нашему миру! И только вы можете это найти. Это было предсказано самим Алидориусом Верейским...

Видимо, у Тани на лице крупными буквами написалось, что лично она ни в каких Алидориусов не верит, потому что Арлена возмущенно вскинула ровные брови:

— Вы мне не верите?!

— Да верю я вам, верю... — пробормотала Таня. И напомнила себе: сумасшедшим главное не перечить.

Арлена продолжала:

— И вам не кажется подозрительной история любви, случив-

шаяся по соседству? Молодой красавец, богач, да и просто интересный мужчина влюбился ни с того ни с сего в страшную старую деву.

— А любовь зла, — заявила Таня, — полюбишь и козла.

Арлена насмешливо улыбнулась:

— Ну прямо-таки девиз зоофила. Но, увы, у господина Жарского тяги к козлам никогда не было. А была у него любовница. И как раз на тот момент. Юное очаровательное создание, ваша одногодка, синие глаза, роскошная блондинистая грива до пояса...

Наталья Львовна сравнения с подобным созданием не выдерживала. Лицо у соседки всегда было унылое, сероватое, с отчетливыми веками — видно, почки пошаливали. И фигуру словно из геометрических фигур слепили, тело прямоугольное, без малейшего намека на талию, руки и ноги сухие, как палки.

Но вот сердце у Натальи Львовны было доброе. И Тане она помогала по математике совершенно бесплатно в свое время. Сердечнейший человек была соседка, несмотря на то, что училка и математичка.

Так что Таня решительно высказалась:

— А может, этот банкир в нашей Наталье Львовне другие достоинства нашел. Душевные.

— Дитя мое! — назидательно произнесла Арлена. — Душевные достоинства ищет тот, кто беден. Тот, кто богат, предпочитает исключительно те достоинства, за которые можно подержаться руками. Во всем, и в дамах тоже. Нет, это были не скрытые достоинства вашей соседки. Это были чары, и их наложила я. Еще и дорогу в двух местах испортила, чтобы господин Жарский направил свою повозку без лошадей в сторону вашего дома. И вот теперь богач и красавец готовится к свадьбе с вашей соседкой, между нами говоря, страхолюдиной не первой свежести. А прелестная содержанка выброшена на улицу. Плачет, бедняжка, с утра до ночи, ищет нового покровителя. И все это ради того, чтобы у меня была возможность завязать знакомство и пригласить вас сюда для разговора!

Таня смутилась. Наталья Львовна и впрямь была неказиста. И то, что ее суженым стал миллионер, банкир и красавец — да еще так скоропостижно! — граничило с колдовством. Бабки на скамейке возле подъезда, кстати, именно такой вердикт и вынесли: «Да опоила она его, бабоньки, как есть опоила и приворот наложила»...

Арлена уловила в ее лице некую задумчивость, но истолковала ее по-своему. Заявила с жаром:

— Найдите то, что напоролил вам найти Алидориус Верейский, и мы подыщем для вас жениха еще лучше. Спасите мой мир, и я брошу к вашим ногам ваш! Я вознесу вас на те вершины, которые вы сами выберете, я... я многое для вас сделаю, обещаю.

Таня хоть и понимала, что все это бред чистой воды, но на минутку замечталась. Если бы эта Арлена и впрямь была ведьмой и могла сделать ее богатой, очень богатой, что тогда? Миллиона два запросила бы, решила Таня. И в долларах. Нет, лучше десять. А потом съездила бы на юга, и мамку с дедом отправила на месяц-другой к морям и океанам отдохнуть. Еще купила бы новую квартиру, просторную, не то что их маленькая двушка. А что еще? Бутики каждодневно посещать и черную икру вкушать ложками больно уж пошло...

Таня вдруг поняла, что у нее не запасено ни одной мало-мальски приличной мечты на случай, если вдруг подвалит богатство. Вот Олечка Веденева из их группы как-то раз полусерьезно заявила: мол, не знаю, как вы, девчонки, а я непременно когда-нибудь стану богатой. И куплю себе роскошную тачку, низкую такую, гоночную, у которой двери не вбок открываются, а вверх взлетают, как крылья бабочки. И еще длинную горностаевую шубу. Буду выходить из этой тачки, а горностаевый подол будет за мной тянуться, пыль мести, как мантия... Таня представила себя вылезавшей из гоночной роскошной машины, изящно вылезавшей, с выкидыванием ног, как это делают модели. А потом бредущей к своему старенькому подъезду, причем по грязному асфальту за ней будет волочиться шуба, на которую можно купить полквартиры...

Таня фыркнула. И с раскаянием подумала: собственной мечтой к девятнадцати годам так и не обзавелась, а над чужой ржу. Нехорошо.

— Итак, вы готовы отправиться со мной в Анадею? — с лихорадочным блеском в глазах спросила Арлена.

Таня припомнила свое намеренье не перечить сумасшедшей соседке и сказала вежливо:

— Ну раз уж вам без меня никак... Хорошо, ведите меня в этот ваш мир моих предков.

И запоздало подумала: а что, если Арлена потащит ее на балкон и предложит спрыгнуть, потому как вход в мир предков располагается именно под балконом? Вполне логичное продолжение истории про деда-князя и папу-княжича. И что тогда?

Вот тогда я точно упрюсь, решила Таня. И буду орать благим матом. Глядишь, кто-то из соседей вызовет полицию...

Настроение Арлены в одно мгновение из несчастного и подавленного стало бодрым и до ужаса энергичным.

— Благодарю вас! — воскликнула она.

Затем наконец-то отпустила косяки, протянула руки, обняла Таню и притянула к себе.

А сила-то у тетки недоужинная, с некоторым содроганием осознала Таня. Ей и ножички ни к чему — руками обойдется.

— Вас надо научить языку, — пробормотала Арлена. — Вы должны знать анадэйский, чтобы разговаривать и понимать...

Таня услышала, как Арлена шепчет непонятно что низким шипящим голосом. Потом она несильно шлепнула ее между лопатками одной рукой. И сказала:

— Энес лер гелто.

Это не «энес лер гелто», с изумлением осознала Таня. Сейчас мы переместимся — вот что сказала Арлена. Но что за...

Ладонь тетки легла ей на затылок и с силой пригнула буйную Танину голову к плечу Арлены. Она уткнулась лбом и носом в пухлое плечо, укутанное шелком.

— Фенрихт! — неожиданно выкрикнула Арлена. И сильно топнула ногой.

Таню охватил внезапный приступ тошноты. Может, от волнения? Она попыталась поднять голову с могучего Арлениного плеча. Надо вдохнуть воздуха, глядишь, и полегчает.

Мощная ладонь буйной соседушки все еще прижимала ее затылок, не давая разогнуть шею.

Потом Арлена разжала объятия. Таня глянула поверх ее плеча... и застыла.

Интерьер вокруг несколько не напоминал квартиру Натальи Львовны.

Глава вторая В АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ КРУГАХ

Не было вокруг тесной маленькой кухоньки — семь шагов в длину и пять в ширину, со скромным зеленым кафелем на стенах и стареньким холодильником в углу.

Таня стояла в четырехугольном громадном помещении размером с хороший спортивный зал. Освещали его шары-светильники в бронзовых оплетках, что свисали гроздьями из всех четы-

рех углов. Стены покрывал золотой цветочный узор на багровом фоне. Потолок был высокий, густо-черный. То ли покрашено так, то ли черен был сам материал потолка.

— Где я? — изумленно спросила Таня.

И посмотрела на Арлену.

Пока Таня разглядывала зал, сумасшедшая жиличка из соседней квартиры отошла в сторону. И теперь вполголоса разговаривала с каким-то типом, весьма странно одетым: черные штаны, заправленные в черные сапоги, короткая куртка, подпоясанная ремнем из черно-серых металлических пластинок. Серебро с чернью? Куртка была травянисто-зеленая, замысловато расшитая серебряными шнурами. С которых там и сям свисали кисточки.

В общем и целом весь костюмчик напоминал иллюстрацию к сказке, виденную Таней еще в детстве. Где изображался, как ей помнилось, прекрасный принц.

Арлена, прервав разговор с типчиком, сообщила:

— Мы сейчас находимся в приюте изгнанного князя Тарланя и тех немногих благородных людей Тарланьского дома, что смогли пережить Ночь Восставших магов.

Таня похолодела. Другой мир был налицо — а значит, все, сказанное сумасшедшей теткой, правда. Про отца. Про местного Нострадамуса по имени Алидориус, который что-то там сочинил. Про то, что ей здесь предназначено нечто найти.

При этом Арлена разговаривала не на русском и не на английском, а на каком-то незнакомом языке. Однако Таня прекрасно ее понимала. Как там дамочка сказала? «Вы должны знать анатомический»...

Ну вот она и знает. Вот только один неприятный момент — а оно ей надо?

Чужие миры, лихорадочно припомнила вдруг Таня, приятным местом бывают только в романах. А на деле...

Мужчина, оторвавшись от беседы с Арленой, глянул на нее и сказал наглым тоном, совершенно не подходившим к облику прекрасного принца:

— Это и есть незаконная внучка князя Тарланя? По лицу сразу видно, что мать из простонародья, от сохи и лопаты, как говорится...

И он окинул Таню долгим брезгливым взглядом с головы до ног. Арлена шикнула:

— Орл, уймись, вспомните ваши манеры, вы же благородный человек, в конце концов.

— Ах да, — с насмешкой сказал мужчина. И отвесил в сторону Тани короткий издевательский полупоклон. — Прошу прощения, милая девица. Как там поживает ваша мать-селянка?

Мама у Тани селянкой никогда не была. Звалась она Вера Михайловна Дебрина, работала учительницей, родилась и выросла в городе, а село видела лишь по телевизору.

— Моя мать не селянка, — сообщила Таня на анадейском, запинаясь от непривычки на окончаниях слов. Со злым прищуром оглядела типа в костюмчике принца с ног до головы. — И лично для вас я не «милая».

— Ого! — заявил тип чуть ли не радостным голосом. — А наша курочка клюется. Квохчет в ответ. А петть умеет?

— Орл! — рявкнула Арлена. — Хватит! Ни слова больше!

Тане не терпелось достойно ответить злобному типу, но, увы, в голову ничего не приходило достаточно изысканного и едкого. А попросту слать матом по анатомическим направлениям не хотелось. Место, весьма похожее на дворец, к этому не располагало.

Поэтому Таня ограничилась тем, что обожгла подлеца яростным взглядом, затем повернулась к Арлене и заявила:

— Знаете что, Арлена, я требую, чтобы вы отправили меня домой. Сейчас же! Немедленно!

— Татьяна, не обращайтесь внимания на Орла, он еще не понимает, перед чем стоит наш мир...

— Я в любом случае передумала! — известила ее Таня громким голосом. — Да я думала, что вы просто сумасшедшая! Вот и решила не перечить. пожалела беденькую, головкой стукнутую. Откуда я знала, что эта Анадея действительно существует? Требую, чтобы меня отправили домой! Меня мама с дедом искать будут, всю полицию на ноги поднимут...

— Страшно-то как! — ехидно сказал типчик в зеленой куртке со шнурками и кисточками. — Наверное, и до нас доберутся, а?

Таня, не глядя на Орла, бросила в сторону Арлены:

— А не вернете, так я вам помогать не буду. И ничего искать не стану. Вы же меня на роль ищейки определили, так? Чтобы я нашла то, чего не смог найти никто... Так вот — не буду и не стану!

Арлена сложила пухлые ладони в молящем жесте, прижала их к монументальному бюсту. А типчик со шнурками и кисточками вкрадчиво сказал:

— Собственно, их не так уж и много — тех, кто верит, что вам и впрямь суждено что-то найти. Алидориус Верейский мог иметь в виду другую четырнадцатую дочь. К примеру, в каганате Серен-

дион у кагана Вакрифа есть не только четырнадцатая, но и сто четырнадцатая дочь.

— Вот и отправьте меня домой! — со злостью бросила Таня.

Лицо Арлены стало трагичным, лицо Орла приняло презрительно-враждебное выражение — мол, понаехали тут. Тут слышался шум, словно приближалась целая толпа народу. Затем распахнулись высокие двери.

И в зал действительно ввалилась целая толпа народу.

Это шествие походило на свиту; впереди шел седовласый старец в одеждах, похожих на средневековые пышные наряды, по бокам у старца и сзади него шествовали четыре личности, одетые в черное, с привешенными к поясам мечами. Мечи были без ножен и по-злодейски сверкали обнаженной сталью.

Сразу же за черными личностями шли дамы и кавалеры. Именно дамы и кавалеры, иначе не назовешь. Дамы были в длинных юбках, которые тащились по полу. Каждая дамочка обеими руками придерживала подол, чтобы не наступить ненароком. На кавалерах красовались затейливые короткие куртки с вышивкой и воротником-стойкой, перехваченные ремнями. На ремнях висели мечи, поменьше размером, чем те, которые имелись у четырех черных личностей. Но всяко превосходящие по размерам кухонные ножи. Неширокие штаны заправлялись в ботфорты до колена.

Старец остановился, отчего вся процессия, шествовавшая за ним по пятам, застыла. Внешность у старца была величественная. Голову украшала грива седых волос, аккуратно подстриженная серебряная бородка окаймляла скорбно поджатые губы. Тело облегал черно-алый камзол, длинный, до колен, с пышными рукавами.

Но там, где рукава кончались, не было кистей. И сами пышные, фонарями сшитые рукава болтались очень уж безвольно. Наводя на мысль, что рук-то в этих рукавах и не было.

— Дитя мое! — провозгласил старец. Пустые рукава слегка качнулись. — Упади же на грудь страдающего деда твоего!

Орл при появлении старца склонился в глубоком поклоне. Арлена выполнила замысловатый реверанс. После чего в два быстрых шага вернулась к Тане, шепотом сказала:

— Иди к князю! И пади на его благородную грудь. Ну чего тебе стоит?

Таня отступила от Арлены и заявила:

— Ни на чьи груди падать я не собираюсь!

Арлена рядом с Таней ахнула. В толпе кавалеров и дам, что

торчали столбами позади старца, начались возмущенные шепотки. Но старик только один раз мотнул головой, и шепотки тут же смолкли.

Старец сказал:

— Юная дева права. Мое поведение есть невежество по отношению к ней. Я не представился, и это мое упущение. Итак, я его исправлю. Я Вал Тарлань, низложенный князь Эрроны, опальный владетель Алого замка, отец несчастного княжича Вера Тарлана. И твой дед, милая девушка.

Таня так и предполагала, что величавый Дед Мороз в средневековых шмотках и есть родитель ее блудного папочки.

Низложенный князь продолжил, внимательно глядя Тане в лицо:

— К сожалению, твой отец, мой бедный сын, уже не может ввести тебя в тот круг, к которому ты принадлежишь по праву рождения. Но я сделаю это вместо него. Отныне и навсегда признаю тебя дочерью Тарланьского дома. И нарекаю тебя Татьяной, княжной Тарланьской!

— Я и без вас уже девятнадцать лет как Татьяна! — возмутилась Таня. — И в кличках, которых вы тут к именам прилагаете, не нуждаюсь!

Старый князь потемнел лицом. Тане почему-то стало стыдно. Как говаривал ее дед, Михаил Семеныч — упавших топтать смелости не надь. Бедолаге, если разобраться, и так досталось, со всех сторон и по первое число. Из собственной страны выгнали, власти и трона лишили. Рук нет, сына злодейски убили — в общем, не жизнь, а сплошное страдание. И невесть откуда притащенная внучка хамит в придачу...

Но потом обида взяла верх над жалостью. Дед с папенькиной стороны захотел ее увидеть, потому что у них тут начались всякие беды. А некий Алидориус Верейский все это когда-то предрек — и присовокупил, подлец, ссылку на четырнадцатую дочь. То бишь указал ее порядковый номер в ораве детей блудливого папочки. Не ею лично интересовался этот старик, а порядковым номером. После мыслей об этом Танина жалость улетучилась, и она вспомнила о том, что время, собственно, идет. И мать с дедом вечером вернутся домой. Начнут ее искать, а найдут лишь сотовый и валяющегося на диване японского классика...

Таня вмиг представила себе, что будет потом. Мать в слезах начнет глотать валерьянку и запивать ее флаконами пустырника. А еще будет непрерывно звонить в полицию. Дед сначала по трет грудь с левой стороны — у него давно пошаливает сердце, но

он это скрывает. То есть от мамы скрывает, которая занята работой в школе и частными уроками. А от Тани скрыть невозможно, она из института возвращается после обеда и все видит. Потом дед накинет на плечи куртку и побежит на обход района. Еще и Танину фотографию с собой прихватит...

Таню обдало холодом.

Только что обретенный дедушка смотрел на нее печально. У свиты за его спиной лица были потрясенные.

Таня свела брови на переносице, вскинула голову и заявила:

— Требую, чтобы меня немедленно отправили домой! У меня там мать, если вы не знали. И дед тоже есть. Причем нормальный дед, который всю жизнь был рядом. Который в садик меня водил и подарки на день рождения дарил... не то что некоторые. И дед с мамой вот-вот вернутся домой. А меня нет!

— Дитя, — изрек старец. Голову склонил, посмотрел этак мягко, подлец, умоляюще, — не беспокойся за свою почтенную мать. И за своего достойного деда. Благородная Арлена, вы сделали то, что положено было сделать?

Благородная Арлена чуть ли не на пол бухнулась в очередном реверансе.

— О да, ваше пресветлое княжье могущество! На дверь дома княжны Татьяны я нанесла чары. Как только ее почтеннейшая матушка проследует через эту дверь, она забудет о существовании дочери. То же случится с ее достойнейшим дедом. И другие лица, будь то сродственники или друзья-знакомые, пройдя через эту дверь, позабудут о княжне Татьяне. Словно ее и не было.

— Глупости, — убежденно сказала Таня. — У меня там фотографии по всей квартире развешаны. Где я с дедом, с мамкой, во всех видах и даже на нашей даче. И документы мои там, и одежда. Как будут прибираться, так и найдут. А уж туфли и вовсе по всем полкам в прихожей растыканы. Размерчик у меня, кстати, побольше, чем у мамы. Так что мою обувь за свою она точно не примет.

— Нету, — спокойно произнесла Арлена. — Нету там больше ни ваших туфель, ни бумажек от властей, ни этой ужасной одежды, что вы носили в вашем мире. Я, уж простите, оставила на двери вашей квартиры еще и заклинание на уничтожение всех следов живого человека помимо чар забвения. Все, что вам принадлежало в том мире и в той квартире, больше не существует. Помните, что было, когда вы вышли из вашей двери? Вы пошли вперед, не оглядываясь, а я задержалась сзади на секунду. Сказать почему?

Таня глянула на нее хмуро.

— И чары забвения, и заклинание на уничтожение следов я прочла возле двери заранее, — назидательным тоном сказала Арлена. — Еще до того, как нажала на звонок. А потом, когда вы вышли, я двумя прикосновениями к косяку влила Силу в чары и заклинание. Как только вы переступили порог вашего дома, путь назад был отрезан, княжна Татьяна.

— Ну вы вообще звери... — обескураженно выдохнула Таня.

В голове у нее мелькнуло: что это за Сила такая? Но уже через секунду Таня переключилась на другое. Удивительно, но факт — ей стало легче оттого, что дед с мамкой искать ее не будут. Пусть она для них исчезнет, но зато не будут сходить с ума от страха. А в том, что Арлена и вправду способна колдовать, она уже не сомневалась. Сумела же та за одну секунду перетащить ее в другой мир? Значит, и на прочее способна. Тем более что по всему видно — не хвастается Арлена перед своим князем, а чинно ему докладывает.

И забудут про Таню на Земле, как есть забудут...

— Я еще в институте учусь, — припомнила она. Не то чтобы с надеждой — просто в слабой попытке хоть как-то уесть оппонентов. — Вот когда ректоры с деканами к нам домой названивать начнут, мол, где эта Татьяна Дебрина, мать с дедом сразу же про меня вспомнят!

И будет это вовсе ни к чему, с грустью подумала Таня, закончив речь. Потому что как только ее вспомнят, так сразу же кинутся искать. И все пойдет по тому же сценарию — валерьянка, звонки в полицию, дед дрожащими руками надевает куртку...

Старец только бровью повел в сторону Арлены, и та зачистила:

— Ах да, институт, это дом наставников, к которым ходила княжна Татьяна. Туда я тоже нанесла визит. Сегодня, как только княжна покинула дом. Представилась теткой Татьяны, сказала, что ее мать тяжело больна и девочке придется оставить учебу. Мне сразу поверили, вычеркнув ее из всех списков. Правда, что-то начали говорить о книгах из библиотеки. Пришлось дать местных денег одной особе, чтобы та не искала княжну. Вот и все...

Затем Арлена повернулась к Тане и наставительно произнесла:

— Вы и представить себе не можете, как легко вычеркнуть одного-единственного человечка из вашего мира.

— Не торопись, — буркнула Таня. — У нас есть еще такая великая вещь, как бюрократия. Я у себя в квартире прописана, на

меня квартплата начисляется. Как только квитанция придет, мама сразу же увидит, что у нее в квартире еще кто-то проживает.

— Уже нет, — нараспев сказала Арлена. — Я в свое время немного пожила у вас. Так что правила и законы вашего мирка знаю. Я побывала в жэке и паспортном столе. Вы больше нигде не прописаны, нигде не живете. Вас нет. Нашим заклинаниям — и вашим деньгам — все паспортистки до ужаса покорны.

Таня ожгла Арлену яростным взглядом. Но та только насупила светлые бровки и ответила пламенным взглядом. Мол, мое дело правое, я за родину борюсь.

— И при всех этих обстоятельствах, — очень мягко произнес старец, — для тебя, юная дева, будет разумнее с нами не ругаться. Ибо мы не звери какие-нибудь, а лица, к тебе сердечно привязанные. Хочешь вернуться на родину — да пожалуйста! Как только найдешь то, что предписано найти, мы тут же отправим тебя назад. С почетом и чувством неизбывной благодарности в сердцах. Обещаю, что восстановим все, что изменили. Память твоей матушки, прочее... Но сделаем это после того, как ты найдешь то самое, чего никто из нас найти не может. И никакие твои мольбы и уговоры тут не помогут.

— Какие мольбы, какие уговоры? — разъярилась Таня. — Я вам как дважды два объясняю: не буду я вам ничего искать! Нашли тут поисковую овчарку... Отправьте меня домой, вам же лучше будет! Я, когда злось, очень даже неприятная!

Седоволосый старикан чуть сдвинул брови. Склонил голову, рассматривая Таню.

— Вижу, княжна Татьяна, что вы приняли свое решение. А мне в ответ придется принять свое. Арлена, отведите княжну в комнату. Заприте там. Никаких посещений, держать на хлебе и воде, пока не одумается.

Таня глянула на дедулю зло и растерянно:

— То есть вы меня под замок сажаете? В застенки? Я вам что, рабыня?

Старый князюшка ласковым голосом возвестил:

— Вы в полной моей власти здесь, княжна Татьяна. Как и всякая другая девица Тарланьского дома.

Такого диктата Таня снести не могла. А посему, потеряв самообладание, выкрикнула в лицо внезапно обретенному дедушке:

— Ах вы, аристократы недоделанные, уроды с родословными, да какое вы имеете право, чучела титулованные...

Неизвестно, какие еще перлы она могла бы выдать, но Арлена что-то буркнула, ткнув Тане рукой меж лопаток.

И ее лицо враз онемело. Из горла вырывался только сип. Хотя она пыталась, изо всех сил пыталась много чего еще сказать.

— Мы увидимся позже, — нахально заявил старый князь. Даже благообразно улыбнулся, подлюга. — И несмотря ни на что, дитя мое, я был крайне рад встрече с вами. Вы так похожи на моего потерянного сына... в немалой степени благодаря вашему неукротимому нраву. До встречи. Помните, вам надо всего лишь сказать, что вы согласны. И ваше заточение тут же прекратится.

Его княжье могущество стремительно развернулось и вышел из зала. Дамочки из сопровождения подхватили подола и засемили следом. Кавалеры сопровождали их бойким шагом.

Таня стояла на месте с разинутым ртом, сжав кулаки. Да так, что ногти вонзились в ладони. Во рту ощутимо горчило — наверное, от чувства собственного бессилия.

— Пойдемте, княжна, — строго сказала Арлена.

Таня сделала шаг назад. Орл, оставшийся в зале после ухода князя, тут же ввернул:

— Бросьте, благородная Арлена, вы же слышали, что она говорила. Такая по доброй воле не пойдет. Я не удивлюсь, если она набросится на вас с кулаками.

Он, увы, был прав — Тане до ужаса хотелось влепить Арлене пару пощечин. Раз уж не было возможности наорать. Останавливали ее лишь два соображения: это ничего не изменит и старух бить нехорошо.

Арлена торопливо заявила:

— Думаю, будет лучше, княжна, если я вас перенесу в вашу комнату. Мин кунишу...

Орл гадко хихикнул.

Таня дернулась было, решив бежать из этой залы, но Арленина рука стремительно коснулась ее плеча. Танины ноги мгновенно прилипли к полу. Да и руки не отзывались, их вроде как парализовало.

Чертова магия, яростно подумала Таня. Два непонятных словечка, одно касание — и вот вам результат.

Арлена снова что-то буркнула, шлепнула ее по руке, и Таня замороженной статуей воспарила над полом. Арлена зашагала вперед. Таня плыла по воздуху за ней, словно на невидимом, но крепком поводке.

Глава третья

В ГЛУШИ, ВО МРАКЕ ЗАТОЧЕНЬЯ...

Двери сами по себе растворились, выпуская их из зала. Коридор за дверями состоял из нескончаемой вереницы каменных колонн. Все они стояли на странных пятипалых основаниях, напомиравших птичьи лапы. Сверху смыкались острые готические арки. Окон не было, коридор освещали горящие факелы, воткнутые в стальные кольца на колоннах.

Таня плыла по воздуху вслед за Арленой и мрачно разглядывала реалии чужого мира. Реалии, кстати говоря, были грязноваты. Между колоннами занавесками висела паутина, у подножий валялся мусор. Только середина коридора была относительно чистой.

Тропинку в грязи, должно быть, вымели своими юбками дамочки из свиты князя, зло подумала Таня. Вот оно, преимущество длинных подолов — и снизу не задувает, и пол выметен.

А потом она пригляделась к факелам.

Их пламя было почти как настоящее. Только языки у него не бились, не взлетали и не опадали, как это бывает у живого огня. Пламя висело в воздухе застывшим цветком, не шевелясь и не меняясь.

И тут магия, констатировала Таня. С печалью констатировала, ибо перед всеми этими магическими чудесами достижения ее родного мира, техногенные и громыхающие, несколько блекли.

Длинный коридор свернул направо и уткнулся в двустворчатые двери. Те, в свою очередь, опять распахнулись перед Арленой сами по себе.

И Таня выплыла под небеса чужого мира.

На желтом небе сиял диск раза в два больше земного Солнца. От него исходил мягкий зеленоватый свет. В Анадее время явно близилось к полудню, лучи лились почти отвесно.

Вокруг простирался громадный двор, четырехугольный, тянущийся вдаль и замощенный серым камнем. Его окружали высокие здания, возведенные без зазоров, плотно одно к другому. Строения были самыми разными — тут попадались и круглые романские башни с зубцами, имелись квадратные зиккураты самого мрачного вида, стояли прямоугольные здания, кубические... И все они отличались разной отделкой. Где красовалась облицовка из цветного камня, где лепнина, а где во всю ширь и высь фасада разворачивались впечатляющие барельефы.

Здания роднило только одно — удручающее отсутствие окон.

Лишь кое-где виднелись небольшие прямоугольные отверстия, скважинами уходящие в толщу стен. Видно, такая у них тут была фишка в архитектуре — здания по типу блиндажей.

Арлена, не оглядываясь на Таню, свернула влево и отшагала вдоль строений метров двести. Вошла в высокий дом, крышу которого украшали каменные фигуры дев и вьюношей, скрюченных в замысловатых позах.

Таня летела следом.

Сразу от входа начиналась широкая лестница. Они поднялись на третий этаж — Арлена пешочком, Таня дрейфуя над ступенями. На третьем этаже вдаль уходил коридор, с одной стороны тянулись через равные промежутки двери из дерева, украшенные резьбой. В конце коридора Арлена остановилась, оглянулась.

— Это ваши покои, княжна Татьяна.

Она толкнула дверь, зашла, а следом за ней покорно вплыла Таня.

Комнату освещали все те же замороженные факелы. Темные стены в их ярком свете поблескивали сколами на каменных блоках. В дальнем углу стояла узкая койка, у стены напротив торчали два резных деревянных стула. Между стульями на манер стола притулился высокий деревянный сундук с узорчатыми накладками. Судя по цвету, из бронзы.

Окон не было. Совсем.

Арлена что-то произнесла приглушенным голосом, хлопнула Таню по плечу. Та приземлилась на пол.

— Так, — сказала Арлена, — в молчанку мы играть не будем. Княжна Татьяна, я верну вам возможность двигаться и говорить, но только прошу вас не делать глупостей.

Она провозгласила, опять-таки приглушив голос, но на этот раз Таня ее расслышала:

— Милишу. Кунишу.

Могучая Арленина рука дважды хлопнула Таню по спине.

И она пошевелилась. Потом облизала пересохшие губы — за Арленой лететь приходилось с полуоткрытым ртом. Выпала:

— Как вы могли! Притащили меня сюда, чтобы на хлеб и воду, под замок... Феодалка бесстыжая! Дед этот полоумный, с вашим Афигидориусом...

— Алидориусом, — поправила ее Арлена. — Успокойтесь, княжна, право, ни к чему так плевать словами. Просто весы так расположились, не в вашу пользу. На одной чаше ваша свобода, на другой — жизни людей моего мира.

— А что, если я не та самая четырнадцатая дочь? — рявкнула Таня.

— Это выяснится. Когда-нибудь, — холодно ответила Арлена. — Но вы можете быть и той самой, а это дает нам некий шанс или, по крайней мере, надежду на этот шанс. На вашем месте, княжна Татьяна, я бы расслабилась и попыталась прижиться в нашем мире. Все равно другого выбора у вас нет.

Таня яростно сверкнула на нее глазами. Но промолчала. Потому что благородная зараза Арлена была кое в чем права. Раз уж она по собственной глупости — и по Арлениной подлости — очутилась здесь, то надо попытаться выжить. А потом найти возможность вернуться.

Мелькнула было мыслишка о побеге, но Таня ее задушила на самом корню. За стенами замка никто не ждал с распростертыми объятиями. Уж лучше княжной побыть. Хоть кормить будут и защитят при случае.

Арлена по-светски улыбнулась.

— Давайте сделаем вид, что мы только что познакомились. Княжна Татьяна, добрый день, как вам ваши покои?

— Как каменный мешок, — зло сообщила Таня, чувствуя себя узницей замка Иф.

Арлена хмыкнула:

— Мы в Фенрихте, в замке, построенном адельбергскими магами еще в Эпоху Ненасытного. Тогда от магических нападений защищались хорошими каменными стенами. Окон избегали. Считалось, и не без основания, что окна более уязвимы перед чужой магией, чем сплошные стены. При возведении стен, кстати, творились кое-какие обряды. В скрепляющий раствор замешивали человеческую кровь, чтобы усилить защиту. А в фундамент самого замка непременно замуровывали какую-нибудь девственницу.

— Шутите? — спросила пораженная Таня.

— Нисколько, — спокойно ответила Арлена. — Довольно часто в коридорах и покоях Фенрихта можно встретить благородную девицу Аделину дер Фонрайт. Встречается она ближе к полуночи, одета в платье того времени. Такое, знаете ли, свободное одеяние, подпоясанное под грудью, с длинными рукавами, волочащимися по земле. В те времена длина рукавов говорила о благородстве происхождения. Чем длиннее рукав, тем благороднее персона. Именно тело Аделины дер Фонрайт лежит в фундаменте этого замка.

— Нет, вы точно не шутите? — выдохнула Таня.

— Какие шутки, — спокойно сказала Арлена. — Кстати, у Аделины дер Фонрайт рукава такие, что приходится думать о ее родстве с королевским домом тех времен. Платье светлое, так что вы легко различите ее на фоне каменных стен. Не пугайтесь, Аделина безобидна. Немного плаксива — многие слышали, как она всхлипывает. И любопытна — всегда приходит посмотреть на нового человека. Думаю, и на вас придет посмотреть сегодня ночью.

— Во как... — дрогнувшим голосом сказала Таня. — А тень отца Гамлета у вас тут имеется? Для комплекта.

На полном лице Арлены появилась усмешка.

— В приличном замке не держат привидений, мечтающих о мести, княжна Татьяна. Раньше здесь бегали целые стада призраков, как-никак замку полторы тысячи лет, в его стенах бывало всякое, и убивали здесь по-всякому. Но князь Вал Тарлань, поселившись в Фенрихте, первым делом очистил замок от привидений, которые могли повредить его людям... то есть нашей прислуге, которая и так немногочисленна. Для самих Тарланей призраки не страшны.

К этому моменту Таня уже оправилась от изумления и потону ввернула:

— Ну да, у каждого свой страх. У прислуги призраки, у Тарланей — Совет магов.

Арлена хмуро глянула на девушку:

— Совет магов теперь и ваш враг, поскольку вас признали и нарекли княжной Тарланьской... Показать покои? Правда, не знаю, интересно ли вам, где спрятаны ванна и туалет.

Таня яростно фыркнула. Но промолчала. Гнев ее спадал. Сколько ни рычи на Арлену, ситуация не меняется. Она в чужом мире, в чужом дворце, и следует хоть чему-то научиться. Хотя бы куда и как ходить по нужде.

Она втянула носом воздух и настоятельно потребовала:

— Покажите мне покои!

Арлена приподняла светлые брови и улыбнулась с намеком, как училка, ждущая от ученицы правильного ответа.

Таня зло добавила:

— Прошу вас...

Лицо Арлены озарилось приятнейшей улыбкой.

— Понимание есть добродетель последняя по счету, княжна Татьяна, но отнюдь не последняя по значению. Она замыкает ряд добродетелей в кольцо, творя тем самым вечный круг. Приятно видеть у вас признаки именно понимания.

Затем, стремительно развернувшись, подошла к пустому углу справа от двери и хлопнула ладонью по темной кладке.

В стене тут же прорезался четырехугольный проем. Камни подернулись легкой серой дымкой и превратились в деревянную дверь.

Арлена пояснила:

— Здесь ваша уборная, княжна Татьяна. На дверь наложен морок, ибо место, где благородная дама совершает свой туалет, следует скрывать от посторонних глаз. При хлопке морок спадает и дверь обнаруживается.

Таня зашла вслед за Арленой внутрь. Здесь тоже не было окон, свет шел от двух факелов на стене. Напротив двери красовалась ванна — бронзовая, снабженная с одной стороны длинной спинкой. Над ней из стены торчала тонкая труба. Таня присмотрелась. Это был кран, ничем другим это быть просто не могло! Без вентиля, но кран. А кран предполагал наличие водопровода и канализации.

Она не поленилась и заглянула под ванну, стоявшую на массивных бронзовых лапах. Снизу имелась еще одна труба, пошире, уходящая в пол. Значит, слив имеется. Вот тебе и средневековые с частичными удобствами.

Таня ощутила нешуточное облегчение. Все-таки нашему человеку без водопровода и канализации жить неуютно.

Прочие удобства напоминали те, что были в ее московской квартире. У одной из стен стоял стульчак, прикрытый резной деревянной крышкой, на другой стене висело зеркало. Под зеркалом примостился столик с глубокой чашей.

— Поглядите сюда, княжна Татьяна, — величественно сказала Арлена. — Итак, чтобы принять ванну...

Из рассказа Арлены, очень подробного, выяснилось следующее: почти все в этой комнате было как на родине. Но имелись и отличия.

Чтобы заработал кран или слив ванны, следовало хлопнуть по ним ладонью. До простой пробки или задвижки на кране здесь еще не доросли, поэтому все трубы открывались и перекрывались исключительно магией.

К чаше под зеркалом надо было прикоснуться пальцами, и она наполнялась водой. В ней ополаскивали руки и лицо. После чего следовало хлопнуть ладонью по столику, и вода утекала в трубу, утопленную в стене за чашей.

По обеим сторонам зеркала имелись два углубления. В одном

из них была налита густая масса для чистки зубов, в другом — жидкость для умывания рук и лица.

Жидкое мыло и зубная паста, перевела для себя Таня. Она сунула палец в углубление с мылом, понюхала. Жидкость была густой, маслянистой и пахла цветочками. Над ванной тоже имелось углубление с этой штукой.

До шампуней и бальзамов здесь еще не доросли. Впрочем, наличие мыла уже радовало. Пахло оно вроде ничего...

На роль полотенца претендовала простыня, висевшая на крюке рядом с ванной.

Они вернулись в спальню. Арлена, переступив порог, хлопнула по стенке рядом с косяком. Дверь снова обрела вид каменной стены. Таня запомнила фокус и то место, куда Арлена била ладонью. А то придется ночью спросонья вставать по нужде, и будешь колотиться в стенку до утра, ища заветную точку...

— Вот и все, — жизнерадостно сказала Арлена. — Может, вы уже передумали, княжна Татьяна? И готовы жить вместе с нами, бороться и искать?

Таня молча насупила брови.

— Что ж, особа благородной крови — а вы безусловно особа благородной крови — не может так скоро отказываться от своих слов, сие было бы просто неприлично, — церемонно сказала Арлена. И присела в глубоком реверансе. — Прошу прощенья, княжна Татьяна, если я оскорбила вас, предположив, что вы уже передумали. Хлеб и воду вам будут приносить трижды в день. Не пытайтесь выйти из двери — все равно не получится. А теперь я удаляюсь...

И она вышла.

Таня, поразмыслив, решила сначала принять ванну для успокоения нервов и души.

Точка, которая разоблачала дверь, нашлась сразу же. Она зашла, двумя пальцами осторожно хлопнула по трубе. Вниз рванулась струя, весело зажурчала. Вода была приятно горячая. Следовало бы ополоснуть ванну на предмет чистоты, но бронзовые стенки сияли в свете факелов таким надраненным блеском, что она решила не мучить излишней гигиеной ни себя, ни блестящее чудо.

Таня залезла в воду и пролежала там чертову прорву времени, то и дело спуская остывшую воду и подливая горячей.

Когда она вышла, на резном деревянном сундуке напротив кровати стояла тарелочка, расписанная бордовыми листьями и синими птичками. На тарелке стопкой лежали три куска хлеба.

Рядом стоял серебряный кувшин с водой и такой же серебряный стаканчик.

— А я не барыня, — гордо сказала Таня в пустоту комнаты. — Я и хлебом могу быть сыта. Так что свои ананасы и рябчики держите для себя, буржуи недобитые.

Высказавшись, Таня взяла кусок хлеба и надкусила. Хлеб был пышный, солоноватый и сладковатый одновременно. Интересно, кто принес сюда тюремную пайку? Увижу в следующий раз, подумала она. И улеглась на узкую койку, снова и снова прокручивая в голове события этого дня.

Понемногу она все больше и больше понимала то, что внутренним чутьем осознала с самого начала: сдать все равно придется, рано или поздно. Домой не отпустят, ибо на кону у здешних стоит самое святое — покой родимых хат, которым грозят древние проклятия.

А также, согласно гаду Афигидориусу, под угрозой срыва вот-вот окажется местный природный цикл. И цветочки с листочками в неестественные цвета переокрасятся. По всем этим причинам ее скорее заживо здесь сгноят, но не выпустят. Ибо не пожалеть живота дальнего своего (а Таня, как выходец из чужого мира, к ближним причислена быть не могла) ради того, чтобы собственную родину защитить, сие есть мечта всякого толкового патриота.

Она вдруг подумала о другом. Сколько можно просидеть на воде и хлебе без ущерба для здоровья? Две недели, три, четыре? Точных сроков Таня не знала, но помнила, что от такой диеты рано или поздно начинается цинга. Что там у нас по цинге... Десна кровоточат, зубы выпадают. Замечательно. Она представила себя без зубов. И впечатлилась.

И так в красавицах не ходила, а без зубов будет и вовсе на чужую смахивать...

Но сдаваться так просто, без боя, было неприятно. Претило ей быстро сдаваться. Значит, что? Значит, будем держаться, пока силы есть. И «жубы» не шатаются... Огорченная Таня повернулась на бок и задремала.

Проснулась она от звука открывающейся двери.

На это стоило посмотреть. Объемистую талию Арлены теперь стискивал тугой панцирь корсажа. От талии было заложено столько складок, что юбка стояла колоколом. Все это великолепие было сшито из сияющего синего атласа и украшено пышными серебряными кружевами по линии громадного декольте. Подол волочился по полу. Светлые волосы, раньше окружавшие

лицо простым полукругом, теперь свисали с макушки пучком блондинистых спиралек. Голову украшала диадема с крупными синими камнями.

Теперь Таня знала, как будет выглядеть кукла Барби, после того как проживет много-много лет и съест много-много котлет.

В руках у Арлены был поднос с кувшином и тремя кусками хлеба.

— Так это вы у меня в тюремщиках, — хмуро сказала Таня.

Арлена присела в реверансе:

— Добрый вечер, княжна Татьяна.

Она сгрузила хлеб на тарелку, в придачу к недоеденному. Заменяла кувшин. Сказала:

— Знаете, на улице сейчас вечер, княжна Татьяна. Прекрасный такой закат, совершенно изумрудный... Через полчаса у нас ужин, после него — танцы. Мы тут в нашем изгнании время от времени устраиваем скромные семейные вечера. Кузен Арентил чудесно играет на скрипке, стоит послушать.

— Не искушай... те, — пробормотала Таня. — Не уступлю, и не надейтесь.

Арлена вздохнула:

— Ах да, по правилам вашего мира девице сразу же уступать не положено. Что ж, потяните время, княжна Татьяна. Все легче будет потом, когда наконец согласитесь.

Она улетучилась с лукавой улыбкой, а Таня встала и взялась за хлеб. Желудок урчал. Она умяла все пять кусков, три свежих и те два, что остались с прошлого раза, запила их водой. Потом упала в койку, представляя, что было сегодня на ужин у мамы с дедом.

В гастрономических мечтах Таня и уснула.

Проснулась она от странного звука. Села на кровати, прислушалась.

Из середины комнаты доносился непрерывный шелест, негромкий, но заполняющий всю комнату. Он плескался в ушах, словно рокот отдаленного прибора. Таню обдало холодом, сердце стремительно заколотилось. Потом вспомнились слова Арлены о призраке королевского происхождения.

Она попыталась успокоиться. Подумаешь, призрак! Да к тому же плаксивый. И не опасный, как было сказано. Для местных — самое привычное явление, по словам Арлены.

Да, но она-то местной не была...

Минута тянулась за минутой, но призрак не появлялся. И шелест не умолкал. Таня бдительно осматривала комнату, каждую

секунду ожидая, что сейчас из какого-нибудь угла появится унылая личность, волочащая за собой длинные рукава.

В какой-то момент, оправдывая ее ожидания, в углу возле двери вылепился лоскут серого тумана. И начал понемногу оформляться в смутную фигуру.

Сердце у Тани остановилось, а потом заколотилось в бешеном ритме. Она глотнула воздух широко открытым ртом — и только тогда осознала, что несколько мгновений вообще не дышала.

У Аделины дер Фонрайт было мелкое туманное личико и рукава, облачно-серыми шлейфами стелющиеся над полом. Распущенные волосы прядами вились по воздуху.

— Узнай, незнакомая дева, как страшно сей мир меня предал! — печально провозгласила гостя.

И хоть Арлена говорила, что призрак кисейной барышни опасности не представлял, Таня ощутила в животе холодный тяжелый ком.

Аделина дер Фонрайт надрывно вздохнула. Вздох у девственного призрака был совершенно не девичий. Словно железо об железо скрежетнуло.

— Проклятый мир! — возвестила она. — Который одних возносит на башни замков, а других погребает под этими замками. Что ты скажешь на это, о дева?

— Мир... он такой, — прошептала Таня, косясь на факелы.

Почему-то ей казалось, что сейчас они горели слабо. В то время как ей хотелось света, да поярче. Было полное ощущение, что тьма в комнате становилась все гуще. А фигура призрачной госты, напротив, вроде как начала испускать свет.

— Фундамент сего замка строился с одного камня, — слезливо сказала Аделина. — На один камень поставили два. На два — еще четыре...

— А на них восемь? — предположила Таня.

Призрак на ее слова внимания не обратил, а заунывно продолжал:

— А потом, когда фундамент стал достаточно широк, привели меня. Я была в платье невесты, рукавчики в десять локтей длины, как и положено...

— Чудная картинка, — сглотнув, подтвердила Таня.

Ей никогда в жизни не приходилось разговаривать с призраком, и потому дыхание сбивалось на каждом слове. Она и сама не знала, почему разговаривала с Аделиной. Наверное, от страха.

Последние слова Аделина дер Фонрайт расслышала.